

— Есть какие-нибудь новости? — спросил своих информаторов Калден. Они сидели в его алхимической лаборатории - небольшом помещении, примыкающем к его спальне. Калден надел перчатки и защитные очки, наклонившись над лепестком лотоса и обрезая стебли и вены.

— О ком новости? — поинтересовался Даррен.

— Ты знаешь о ком, — ответила Мэйлин. Даже когда он повернулся спиной, Калден всё ещё слышал ухмылку в её голосе. — Это уже третий раз, что он спрашивает с вчерашнего дня.

— Да? — обрезал ещё один кусок цветка своими стальными ножницами Калден, добавляя его в ступку слева. — Я перестану спрашивать, как только она примет сделку.

Даррен прочистил горло: — Она провела час в библиотеке сегодня.

— Следящий, — пробормотала Мэйлин.

— Говорит девушка, которая знает размер её груди.

— Я знаю, что он меньше, чем твой, — ответила она в песенном голосе.

— Ах, ревность. Этот цвет тебе не идёт, мисс Санако.

Калден игнорировал их, продолжая обрезать лепестки. Даже спустя все эти годы он так и не понимал, почему они используют слово следящий как оскорбление. Разве они не были профессиональными следящими?

— В любом случае, — сказал Даррен. — Она читала «Высокий торг» Патрика Косса, — «За границей Луны» Кадзу Нобиры.

Интересно. Калден просмотрел первую книгу для учебного класса по бизнесу в колледже Элеган — это было практическое руководство, написанное бывшим переговорщиком по выкупу из заложников военно-морского флота. Вторая книга была полностью посвящена дворовым сплетням и автобиографиям из эпохи Рэйсей в Шокене. Там была даже глава о клане Тренгсен.

— Так она рассматривает предложение, — вмешался Калден, — и хочет воспользоваться этим в своих интересах? — Это звучало как Акари, которую он знал. Он также знал, что она возьмёт деньги его матери и потратит их на зелье маны, независимо от своих обещаний.

Если бы только...

— И «Несокрушимый», — закончил Даррен.

Кровь Калдена замерла. — «Несокрушимый» была книгой о душевных клятвах. Правители Шокена когда-то обменивались этими клятвами, когда один враг сдавался другому, и проигравшая сторона клялась никогда не воевать против победителя. В основном это был эквивалент эспирианских обменов заложниками.

— Чёрт, — сказал Калден, бросив свои инструменты на гладкий белый стол. — Я никогда не думал, что моя мать пойдёт так далеко.

Конечно, он знал о таких клятвах из уроков истории, но только в теоретическом смысле. Золотые эти дни просто подписывали контракты, как цивилизованные люди. Однако были исключения, особенно с врагом, который ничего не терял. Если Акари клянётся непреложной

клятвой, она потеряет своё искусство маны навсегда. Она может заболеть, если попытается циклировать. Её душа может закрыться, как забитая раковина, или она может просто потерять свою боевую волю. Точные симптомы варьируются, но результат всегда одинаковый.

Калден на мгновение представил себе свою подругу, побитую и сломленную. Она обычно была такой настойчивой - такой сфокусированной на всём, что делала. Даже сейчас, когда её мир рушится, она не переставала бороться.

— Мы не знаем, что планирует ваша мать, — сказала Мэйлин. — Никто не упоминал о клятвах раньше.

— Это еще хуже, — повернувшись на стуле, сказал Калден. — А что, если она хотела удивить Акари, когда та уже совершила поступок?

Даррен пожал плечами. — Или мы все делаем поспешные выводы. Акари явно получила идею из «За границей Луны».

Калден нахмурился, размышляя. — Играя в «Корону», ты должен предполагать, что твой оппонент сделает лучший возможный ход. Чем больше я об этом думаю, тем больше это имеет смысл. Моя мама достаточно умна, чтобы не доверять словам Акари.

К тому же, мать Калдена имела бы возможность освободить Акари от её клятвы, и она могла бы использовать это вечно - обещая ей будущее время в обмен на услуги. Скорее всего, эти услуги касались бы хакинга.

Калден опять выругался. — Она планирует сделать Акари своим инструментом. Она даже упомянула, что пошлёт её учиться на программиста.

Он не заметил признаков раньше. Он предположил, что его мать будет обходиться с ней справедливо, как с Сильверами и золотыми. Но Акари увидела это заранее. Она пыталась рассказать ему об этом вчера, но он проигнорировал её.

— Я дал ей правильный совет? — поинтересовался Калден.

— Конечно, — сразу ответила Мэйлин. — Твоя мама могла бы сделать ей жизнь настоящим адом, если бы захотела.

— К тому же, — сказал Даррен, — она могла бы умереть на улице.

— Если её приёмные родители действительно выгонят её, — сказала Мэйлин, — У меня есть подозрения на этот счёт.

Калден уставился на свои стеклянные трубки для алхимии, чувствуя внезапную тошноту. Акари отказывалась менять свободу на безопасность. Он мог уважать этот выбор и точно был слишком жесток с ней, когда они расстались. Акари первой атаковала, но Калден был первым другом, которого она завела за последние годы. Она боролась так долго, что так и не научилась, как нужно обращаться с людьми, которые ей дороги.

Он вернулся к своему столу и начал растирать фрагменты листьев в своей ступке.

— Как идёт самое сложное зелье в мире? — поинтересовалась Мэйлин в не слишком тонкой попытке подбодрить его.

— Я думал, что это таблетка, — сказал Даррен.

— Это таблетка, — подтвердил Калден. — Самый сложный — может быть преувеличением. Таблетка лечит крустоплегию - хроническое заболевание, вызывающее кристаллизацию маны в каналах человека. Это не только крайне болезненно, но также приводит к параличу в пораженных областях. Быть мастером маны помогало этому состоянию, но это только замедляло неизбежное, и большинство людей не выживало до возраста подростков.

С достаточным количеством этих таблеток они могли бы дожить до своих поздних лет.

На светлой стороне, на самом деле нет ни одного живого человека с этим состоянием, но улучшение этой таблетки стало обрядом инициации среди студентов алхимии. Кальден уже испортил свои первые несколько попыток. Большинство реагентов содержали токсичную ману, и секрет заключался в правильном соотношении. Слишком много и таблетка убьёт пациента. Слишком мало и она не разложит кристаллизующуюся ману. Вот почему он разделил стебли и вены на остальную часть листа, организовав фрагменты в соответствии с их магической потенцией.

— Ну, — произнесла Мэйлин, вытягивая слово. — Как дела у самой сложной таблетки в мире?

Кальден пожал плечами, работая. — Даже если я добьюсь успеха, имеет ли это значение? Я не могу сделать мир лучше с помощью алхимии.

— Ты слишком молод, чтобы иметь кризис смысла жизни, — сказала она с вздохом. — Подожди до тридцати, по крайней мере.

— Кальден родился тридцатилетним, — сказал Даррен.

— Эй, — сказала Мэйлин, — он раньше был весёлым.

Даррен задумчиво загудел: — Хорошо, скажем, что он вырос около десяти или одиннадцати.

Они поговорили ещё несколько минут, пока Калден заканчивал измельчение разных фрагментов листьев, соединяя их в смесь с примерно 22% токсичности. Он потеряет три четверти в процессе очистки, оставляя ему немного больше 5%. Безопасно для употребления человеком, но всё ещё достаточно сильно, чтобы разложить кристаллический ману.

В конце концов, Даррен вернулся к первоначальному вопросу Калдена. — Многие философы уже пытались ответить на этот вопрос. Большинство из нас не сможет реально изменить мир, но мы всё ещё можем стараться жить наилучшей жизнью. Мастерство имеет свои собственные внутренние ценности, поэтому всегда полезно быть хорошим в своём ремесле. А потом использовать это ремесло, чтобы помочь своему сообществу и оставить мир лучше, чем он был, когда вы пришли.

Мэйлин указала тонким пальцем на Даррена. — Он высказывает хорошие мысли. И если вам кажется, что ваша алхимия не приносит пользы, вы всегда можете изменить направление. Сделать зелья, чтобы лечить слепых котят или что-то подобное.

— Слепых котят. — Даррен хихикнул. — Это разозлит миссис Тренгсен.

— А что, если мы упускаем что-то ещё? — сказал Калден. — Что-то такое же важное, как всё, что сказал Даррен?

Фрагменты первого видео Грандмастера раздавались в его мыслях. А что, если мы отказываемся от того, что значит быть человеком?

Выражение Мэйлин стало более серьёзным. — Ты говорил так раньше. До того, как стал ...

— Мастером маны. Калден снял перчатки и бросил их в корзину для мусора. — Моя мама знала обо всём. Нет смысла избегать бури.

— Правильно. Ты думал, что искусство маны сделает тебя счастливым. Сделало?

— Сделало. — Калден бормотал. Он не осознавал этого раньше, но эти последние несколько месяцев казались правильными. Калден не верил в судьбу, предназначение или следование за страстью к закату. Но он выбрал искусство маны самостоятельно, в то время как его мать выбрала алхимию. Это имело значение.

Прежде чем кто-то мог ответить, кто-то постучал в его спальню.

— Вот и маленькая мисс Фростблэйд, — невзначай сказала Мэйлин.

— Что? — Калден поднялся и посмотрел в сторону двери. — Какого чёрта...

Даррен кивнул. — Она смотрела, как ты с Акари ссорились, как старая семейная пара, вчера. Удивительно, что она так долго ждала.

Калден покачал головой, переходя из своей лаборатории в главную комнату. Если у этих двоих был запомнен стук Эмберлин, то это могла быть его мать, отчим или кто-то из слуг.

— Входите, — закричал он.

И действительно, Эмберлин Фростблэйд вошла. Она была одета в обтягивающий красный топ, который опускался до колен, и он не мог понять, это платье или свитер. Может быть, и то, и другое? Как всегда, её блондинистые волосы падали волной за плечи, окружая её соответствующий значок.

Её фиолетовые глаза осмотрели спальню Калдена, прежде чем остановиться на его гостях. Она улыбнулась им обоим: — Вы не могли бы оставить нас на минутку?

— Мы уже уходим, — вымолвил Даррен, и пара вышла за Эмберлин. Мэйлин поймала взгляд Калдена в дверях, поднимая брови в своей торговой марке — Я же говорила.

Как только они ушли, Эмберлин снова встретила глаза Калдена. — Я давно не слышала о тебе.

— Да, — Калден сделал вялый жест в сторону своей открытой лаборатории. — Я был занят учёбой. Вспомнив о приличиях, он прошёл мимо кровати и письменного стола к маленькому холодильнику, стоящему в углу. — Хочешь что-нибудь выпить?

— Конечно. У тебя ещё есть та бутылка Корелдонского фиолетового, которую я тебе дал?

Кальден опустил на колени и взял бутылку из нижней полки холодильника, налив два стакана тёмно-фиолетовой жидкостью.

— Я слышала, что ты была в Уайт-Вэйле, — изрекла Эмберлин. — В то же время мой отец сражался с беглецом.

Калден подошёл к ней и протянул стакан. — Он рассказал тебе о нашем разговоре?

Она кивнула, сделав маленький, изящный глоток. Глаза её не отрывались от него, и вокруг краёв мелькали намёки на боль и предательство. Рассказал ли Фростблэйд об Акари? Вероятно. У неё не было причин скрывать это.

Следующие несколько минут они говорили о пустяках, и Эмберлин продолжала вытаскивать у него информацию. Она спросила, видел ли он бой, и Кальден признался, что да. Его мать уже предупредила его о том, что знает Фростблэйд, что означало, что это может знать и Эмберлин. Тем не менее, она избегала прямых вопросов о Акари или Релии, и Кальден ничего не предлагал.

В конце концов, между ними наступила тишина, и Эмберлин повернулась к раздвижной двери. Снежинки прилипли к стеклянной поверхности, и несколько дюймов собрались на каменном балконе за ней.

— Что с нами случилось? — поинтересовалась она, глядя на падающий снег. — Мы были так близки.

— Мы разошлись после школы, — ответил Кальден, взглянув на её отражение в окне. — Когда ты начала тренироваться в качестве мастера маны... Я всегда думал, что ты найдёшь людей, больше подходящих тебе.

— Это то, что ты думаешь? — Она повернулась и встретила его глазами. — Ты думаешь, что я хочу выйти замуж за мужчину, как мой отец? Ты общительный и думаешь, прежде чем что-то делать. Я бы выбрала это вместо мускулов и силы любой день.

Как обычно, Эмберлин всегда ставила его на пьедестал в своих мыслях.

— Кроме того, — продолжила она, — я никогда не хотела быть боевым мастером. Это была идея моего отца. Она взяла ещё глоток и покачала головой. — Он одержим получением силы, но уже достиг максимального уровня маны. Теперь он проводит свои дни, чувствуя себя неудачником.

— Он действительно признал это в тебе?

— Талек, нет. Эмберлин засмеялась в свой стакан. — Но он изучает прогресс. Вот почему он одержим поимкой беглеца. Кто-то такой сильный, должно быть, обладает большим количеством маны, чем золотой, верно? Может, кто-то из тех мастеров из исторических книг?

Очевидно, это не была единственная причина, по которой он преследовал её. Релия была более чем готова рассказывать о себе кому угодно, кто бы захотел слушать.

Мартиалы действительно не знали, что происходит?

Релия называла это место тюрьмой. Мартиалы могут быть охранниками, но они определённо не являются надзирателями. Они все застряли в этой паутине вместе, управляемые своими собственными одержимостями.

— Вы знаете, что здесь происходит? — поинтересовался он. — Когда вы спите, не снится ли вам другая жизнь?

— Ты когда-нибудь видела сны? — поинтересовался Калден. — О другой жизни?

Эмберлин нахмурила брови на внезапное изменение темы. Сначала он мог принять этот взгляд за скептицизм или путаницу. Но нет... Это было больше похоже на то, что он задал ей слишком личный вопрос.

Калден почти извинился и сменил тему, но его любопытство взяло верх над ним. Некоторые радикальные теории на тему снов утверждают, что это воспоминания о прошлых жизнях, но у Калдена были свои сомнения. Современная наука нашла бесчисленные связи между разумом и телом, и эти связи опровергают большинство классических мифов о перевоплощении.

Другие теории говорят о потерянных воспоминаниях. Сначала это казалось маловероятным, но теперь он был не так уверен. Знатоки маны могут находить и передавать воспоминания, но Калден также помнил урок Релии о мане жизни.

Если вы можете дать что-то, то можете и забрать это.

Мог ли кто-то сделать это в большом масштабе, оставив их всех одержимыми вещами, которые они не могли получить? Это заставило его почувствовать свою незначительность. Это также послужило холодным напоминанием того, что даже Релия едва коснулась потенциала мастера маны.

Прошло ещё несколько секунд, но Эмберлин, казалось, не была склонна отвечать. Однако он увидел конфликт в её глазах и в подъёме и опускании её груди. Время для обмена тогда.

— Я мечтаю стать мастером маны, — сказал Калден. — Как мечты Созена, прежде чем он исчез.

Эмберлин моргнула, но казалось, что она не удивилась. — Всегда одни и те же?

— Всегда, — ответил Калден. Даже когда слова покидали его рот, в его уме вспыхнули образы города Эспириан, и он поделился ими с Эмберлин.

Во сне он стоял как генерал среди поля боя других боевых мастеров. Он видел каждую деталь битвы. И с помощью своего искусства маны он не просто управлял ракетами и конструктами, как его солдаты. Он чувствовал само поле боя. Он чувствовал тактику и стратегии, как если бы они были осязаемыми вещами. Он командовал солдатами, как фигурами на доске для игры в королевские шахматы, отправляя команды прямо в их мозги.

В последние несколько недель он даже мечтал об Акари. Она была абсолютным ужасом на поле боя - невероятно быстрой, как если бы она взламывала саму реальность. Эту часть он, очевидно, опустил в своих описаниях.

Эмберлин глубоко вздохнула. — В моём сне мы вместе. Только ты мастер маны, а я алхимик. Когда я просыпаюсь, реальная жизнь кажется перевёрнутой. Как будто мы здесь заперты, а сон — это лишь мгновенное проникновение вне клетки.

Калден подошёл ближе, пока они не стояли рядом перед широким стеклянным окном. Солнце заходило за деревья за его окном, только низко, чтобы пробить через потолок тёмных зимних облаков.

Эмберлин опустила голову на его плечо. Он почувствовал её тепло и вдохнул цветочный аромат её духов.

Калден не упоминал о своём желании научиться искусству маны раньше этого вечера. И всё

же она не была удивлена. Она даже мечтала о том же, что казалось означает, что она уже знала об этом.

— Помнишь тот день в туннелях, — начал Калден, — когда ты спасла нас от той матриархи аркионов?

— Конечно, — она подняла голову, чтобы взять ещё глоток вина.

— Моя мать послала тебя, правда?

— Да, она это сделала, — Эмберлин глядела на остатки вина в своём стакане. — Она знала, что ты изучаешь искусство маны и хотела, чтобы кто-то тебя охранял.

Итак... она знала об этом с самого начала. Неужели его мать также послала её допрашивать Акари в тот день в школе? Калден не мог придумать тактичного способа задать этот вопрос, и он определённо не станет первым, кто упомянет Акари, если может этого избежать.

— И ты рассказываешь мне это только сейчас? — поинтересовался он. — Просто так?

— Я никогда не работала бы против тебя... — Эмберлин повернула голову в сторону и носом коснулась его шеи. — Даже для неё. Он почувствовал тепло её дыхания на своей коже, за которым последовали её мягкие губы.

Дыхание Калдена перехватило, но он подавил дюжину порывов. Если бы он повернул свою голову, он мог бы поцеловать её лоб и вдохнуть запах её волос. Если бы он поднял свою руку, он мог бы обнять её за талию и почувствовать изгиб её бедра.

Вместо этого он медленно отошёл в сторону. — Извини.

— За что? — Эмберлин говорила мягким голосом полностью спокойная.

Его сердце продолжало биться, и он взял мгновение, чтобы собраться с мыслями. — Я использовал тебя с тех пор, как мы были детьми. Я приводил тебя за нос, когда мне это было удобно - когда я хотел что-то от тебя. Ты говоришь, что я хорошо отношусь к людям, но я такой же плохой, как моя мать.

Лицо Эмберлин стало совершенно неподвижным, но она внимательно следила за каждым словом.

— Извини, — повторил он, — но я не чувствую то же самое, что ты.

Эмберлин выглядела так, будто хотела заплакать, но сжала челюсти и закрепила свой взгляд на нём. — Почему?

Калден нахмурился. — Что?

— Почему я недостаточно хороша для тебя?

— Но это не из-за этого. — Он вздохнул глубоко. — Я могу что-то сделать со своими чувствами?

— Ты когда-то говорил, что любишь меня. Это была ложь?

— Я был ребёнком, когда это сказал.

— Это была ложь? — она повторила.

— Нет.

— Тогда что изменилось?

Калден пожал плечами, чувствуя себя беспомощным. — Я не знаю.

— Конечно же, ты знаешь. Некоторые парни могут быть настолько неуклюжими в своих чувствах, но не ты. Ты отличаешься.

— Всё равно, — ответил он. — Ты ведёшь себя так, будто я обязан тебе объяснения, но я не обязан. Мы никогда на самом деле не были помолвлены.

— Ты мне ничего не должен, — сказала Эмберлин. — Но я всё равно спрашиваю. Если я что-то сделала не так, я бы хотела знать.

Чёрт возьми. Калден допил свой стакан. Было трудно отказать ей в такой простой просьбе, но ей не понравится ответ.

— Это то, как ты обращаешься с людьми, — сказал он. — Особенно с теми, кого считаешь ниже себя.

— Кто? — Эмберлин несколько раз моргнула, очевидно, ожидая другого ответа. — Твои слуги? Я никогда не...

Он покачал головой. — Золотые и серебряные не единственные люди.

— Никто не говорит, что бронзовые не люди, — сказала Эмберлин, широко открыв глаза и выглядя невинно. — Но, наверное, я не общаюсь достаточно...

— Твоя неискренность — это ещё одна вещь, — сказал Калден, прежде чем остановить себя. — Когда ты выставяешь передомной представление, невозможно узнать настоящего тебя.

Она проглотила, как будто у неё пересохло в горле. — Я хочу измениться - стать лучше.

— Я знаю, что ты можешь, если захочешь, — он ответил насколько возможной искренностью.

— Когда ты это сделаешь, я надеюсь, что ты найдёшь кого-то, кто сделает тебя счастливой.

Её глаза затвердели, как замёрзшее озеро. — Как ты нашёл Акари Зеллер?

Вот оно, Мэйлин и Даррен были правы, как всегда.

Калден глубоко вздохнул. — Так вот настоящая причина, почему ты здесь.

Эмберлин скрестила руки, ожидая ответа.

— Я не знаю, какие слухи дошли до тебя, — сказал Калден, — но она.

— Она напала на меня первой, — прервала Эмберлин, — в тот день, когда я её оскорбила. Она также утверждала, что вы двое целовались в том кладовом шкафу.

— Это не правда, — сказал Калден.

— Конечно же, нет она подшучивала надо мной, как она всегда это делает. Но я тот, кто плохо обращается с людьми, верно?

Калден развел руками. — Я не сторонник никого из вас. И клянусь Талеком, между мной и Акари нет никакой романтики.

Эмберлин подняла бровь.

— Или физической.

— Я видела вас вчера, — Эмберлин рывкнула. — Можете ли вы посмотреть мне в глаза и сказать, что она ничего для вас не значит?

Он колебался, и Эмберлин отступила на шаг, как будто её ударили. — Я так и думала. — И с этим она повернулась на каблуке и выбежала из двери.

Нехорошо.

Насколько знал Калден, он больше никогда не увидит Акари, но Эмберлин этого не знала. К тому времени, когда он об этом подумал, её водитель уже выезжал из его района.

Калден спустился по деревянной лестнице, мимо водопада, и вошёл в кухню, где нашёл Даррена и Мэйлин. Они оба сидели на столешнице, ели то, что выглядело как миски с шоколадным мороженым.

Пора узнать, кто из них лучший профессиональный сталкер.

— Не удалось? — поинтересовался Даррен.

— Нет. — Калден покачал головой, подойдя ближе. — Теперь мне нужно знать - где Акари Зеллер сейчас?

<http://tl.rulate.ru/book/82695/2857750>